

МОСКВА - ИНТЕРМЕДЬЕВО

**ДЕЛО
НЕ ЗАКРЫТО**

**БОРИС
СЫРКОВ**

СНОУДЕН

**САМЫЙ
ОПАСНЫЙ
ЧЕЛОВЕК
В МИРЕ**

Борис Юрьевич Сырков
Сноуден: самый
опасный человек в мире
Серия «Дело не закрыто»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19385360

*Сноуден: самый опасный человек в мире/ Борис Сырков: Алгоритм;
Москва; 2016*

ISBN 978-5-906861-61-0

Аннотация

Эдвард Сноуден, предавший огласке секретные документы американского Агентства национальной безопасности (АНБ), в одночасье обрел славу самого опасного человека в мире. Как ему, не сумевшему из-за болезни даже закончить среднюю школу вместе со сверстниками, удалось разоблачить систему электронной слежки за всей планетой и благополучно сбежать в Москву? В чем разгадка феномена Сноудена? Сведя воедино информацию из огромного количества источников и тщательно изучив биографии предшественников Сноудена на поприще разоблачений спецслужб, автор выносит собственный оригинальный вердикт по его делу. Тем самым книга существенно дополняет и расширяет трактовку образа Сноудена

из кинотриллера знаменитого американского режиссера Оливера
Стоуна

Содержание

Пролог	5
Контакт? Есть контакт!	7
Кто вы, мистер Цинциннат?	7
Встреча	39
Биография	43
Время действовать	47
Третий не лишний	51
Сенсация!	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Борис Сырков Сноуден: самый опасный человек в мире

Пролог

В 1991 году в американском Агентстве национальной безопасности (АНБ) был подготовлен секретный документ, озаглавленный «Вне контроля». Его анонимный автор с тревогой констатировал, что с некоторых пор спецслужбы США стали вверять практически всю свою секретную информацию заботам узкого круга компьютерных специалистов – системных администраторов. Они могли читать, копировать, модифицировать и удалять любые конфиденциальные данные. В результате под контролем очень небольшого числа людей оказалось огромное количество ценнейшей информации, а самих этих людей мало кто контролировал.

Автор «Вне контроля» сразу же оговорился, что не подвергал сомнению честность и порядочность всех без исключения системных администраторов. Не стремился он и сделать из них козлов отпущения за любые утечки секретных данных. Просто в силу своего привилегированного положения системные администраторы требовали к себе повышен-

ного внимания.

Подытоживая сказанное, автор «Вне контроля» предложил ряд мер для того, чтобы ужесточить контроль за хранением и хождением секретных электронных документов. Среди них фигурировали усиленное наблюдение за действиями системных администраторов, сегментирование компьютерных сетей в зависимости от степени секретности передаваемой по ним информации и стойкое шифрование дисков, на которых хранились секретные данные.

А в 2013 году в АНБ произошла беспрецедентная по своим масштабам и последствиям утечка секретных данных, которая продемонстрировала, что предостережениям и рекомендациям анонимного автора «Вне контроля» так и не было уделено должного внимания...

Контакт? Есть контакт!

Кто вы, мистер Цинциннат?

Осенью 2005 года юрист-правозащитник с десятилетним опытом работы Гленн Гринвальд обзавелся собственным политическим блогом. Он был очень обеспокоен агрессивной политикой, которую американское правительство взяло на вооружение после событий 11 сентября 2001 года. Гринвальд рассчитывал, что, затрагивая острые политические вопросы в своем блоге, он привлечет к ним значительно больше внимания, чем выступая в качестве правозащитника.

Не прошло и двух месяцев, как Гринвальд стал блогером, а в ««Нью-Йорк тайме»» была опубликована сенсационная новость о том, что в 2001 году президентская администрация Буша при помощи АНБ организовала тайную электронную слежку за американскими гражданами. Ее объектами стали тысячи американцев.

В ходе общественной дискуссии, последовавшей за публикацией этой новости, были затронуты сложные вопросы, обсуждение которых требовало от участников дискуссии глубоких познаний в области конституционного права и его практической интерпретации. Юридическое образование и накопленный опыт позволяли Гринвальду хорошо ориенти-

роваться в этих вопросах, и он принял активное участие в дискуссии.

Следующие два года Гринвальд занимался всесторонним освещением скандала, связанного с тайной электронной прослушкой со стороны АНБ, в своем блоге. Его позиция по этому вопросу была простой и ясной: президент США нарушил закон и должен понести за это наказание. В обстановке ура-патриотизма и шовинизма, характерной для Америки двухтысячных годов, позиция Гринвальда многими воспринималась по меньшей мере как спорная. Тем не менее у нее нашлось и много сторонников.

В августе 2012 года Гринвальд стал внештатным сотрудником английской газеты «Гардиан». Как журналист, Гринвальд был настроен очень воинственно, беспощаден к людским недостаткам и злобно насмешлив. Он язвительно критиковал президентскую администрацию Обамы. Права американских граждан, беспилотники, военные операции США за рубежом, конфронтация с мусульманскими странами – все это становилось предметом для его газетных статей. В результате перед постоянными читателями Гринвальда разворачивалась целая летопись преступлений американского правительства по всему миру. Откровенные взгляды Гринвальда на недопустимость вмешательства государства в частную жизнь граждан сделали его самым заметным критиком тайной электронной слежки АНБ.

Гринвальд отличался не только радикализмом в политике,

но и эксцентричностью в личной жизни. Он жил в Рио-де-Жанейро вместе с любовником Давидом Мирандой и десятью бродячими собаками, которых приютил. Там Гринвальд часто снимался для американского телевидения, выступая в роли независимого эксперта. Телевизионные съемки происходили в студии недалеко от ипподрома. В ней были только камера, стул и письменный стол. Гринвальд облачался в безупречно чистую и отглаженную рубашку, шикарный пиджак и галстук в тон рубашке и пиджаку. А поскольку телевизионная аудитория не могла лицезреть его ниже пояса, то он оставался в шортах и пляжных шлепках на босу ногу, в которых приезжал на съемки.

История с тайной электронной слежкой АНБ, которой Гринвальд уделял такое большое внимание, оказалась удивительно созвучна некоторым эпизодам истории США. Неприятие вмешательства государства в частную жизнь граждан было одним из главных побудительных мотивов создания американского государства. Колонисты в Северной Америке были категорически против законов, позволявших английским чиновникам обыскивать любой американский дом по своему выбору. Колонисты признавали обоснованными только ордера, выданные на обыск отдельных личностей при обязательном наличии резонных причин полагать, что эти личности совершили правонарушение. Но проведение повальных обысков повсеместно считалось колонистами незаконным. Это мнение нашло выражение в конституции США:

«Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться. Ни один ордер не должен выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой или торжественным заявлением; при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту».

Шло время. По мере технического развития совершенствовались и методы слежки. Однако вне зависимости от используемых технических средств и методов ведения слежка неизменно имела одну характерную особенность. Сначала основным объектом слежки выступали диссиденты и маргиналы. Но потом она постепенно распространялась и на вполне лояльных по отношению к властям граждан. Ведь ведение массовой слежки являлось отличным средством подавить инакомыслие еще в зародыше. Население, которое со знавало, что за ним ведется постоянная слежка, становилось значительно более робким и покладистым. И американское правительство активно пользовалось этим средством. К примеру, в середине 1970-х годов ФБР причисляло к категории потенциальных подрывных элементов ни много ни мало полмиллиона американских граждан.

Со вступлением человечества в эру цифровых технологий оно оказалось на перепутье. С одной стороны, люди получили беспрецедентные технические возможности для отстаивания любых политических взглядов. А с другой – появи-

лись такие средства ведения тайной слежки за населением, о которых в прошлом не могли и помыслить тираны с самым изощренным воображением. Вопрос о том, пошло ли человечество по пути к неограниченной индивидуальной свободе или к абсолютной тирании, оставался некоторое время открытым, пока не появился человек, который ответил на этот вопрос ясно и однозначно, подкрепив свой ответ секретными документами правительства США.

1 декабря 2012 года Гринвальду пришло электронное письмо. Его отправитель назвался Цинциннатом¹. Письмо начиналось словами: «Сохранение тайны личной переписки имеет для меня очень важное значение». А далее в нем содержалась просьба к Гринвальду воспользоваться компьютерными средствами криптографической защиты, чтобы Цинциннат мог сообщить Гринвальду нечто его интересующее. По мнению Цинцинната, «любой, кто пренебрегал этими средствами, подвергал себя опасности». Цинциннат не считал, что нужно шифровать абсолютно всю переписку, но, по крайней мере, Гринвальд должен был предоставить своим корреспондентам право выбора.

Цинциннат упомянул в этой связи американского генерала Давида Петреуса, который был вынужден подать в отставку, когда выяснилось, что он состоит во внебрачной связи с журналисткой Полой Бродуэлл. Следователи прочли элек-

¹ Цинциннат Луций (519–438 до н. э.) – римский полководец, который, согласно преданию, считался образцом верности гражданскому долгу.

тронные письма, которыми обменивались любовники. А если бы Петреус и Бродуэлл зашифровали свою переписку, этого бы не произошло. «Шифрование играет очень важную роль не только для шпионов и женатых бабников, – писал Цинциннат. – Оно является критически необходимым для любых людей, которые хотят обмениваться электронными сообщениями». И чтобы еще более усилить эффект от сказанного в своем письме Гринвальду, Цинциннат добавил: «Есть люди, с которыми Вы непременно захотели бы вступить в переписку. Но они никогда не свяжутся с Вами, пока не удостоверятся, что их сообщения не будут перехвачены и прочитаны посторонними лицами». В заключение Цинциннат предложил Гринвальду содействие в установке и настройке программы шифрования электронных сообщений: «Если Вам нужна моя помощь, дайте мне знать об этом или напишите в «Твиттер». Там много технически грамотных специалистов, которые немедленно придут Вам на выручку».

Гринвальд давно планировал освоить работу с шифровальными программами. Однако он не очень хорошо разбирался в компьютерной технике, и эти программы представлялись ему излишне сложными в использовании. В итоге Гринвальд их так и не осилил. И даже письмо Цинцинната не смогло повлиять на Гринвальда.

Гринвальд был известен тем, что писал на темы, которые игнорировали другие блогеры и журналисты. С ним часто связывались люди, обещавшие сенсационные разоблачения,

которые на поверку ничего особенного собой не представляли. Кроме того, в запасе у Гринвальда всегда было великое множество интересных историй и он был просто не в состоянии уделить внимание всем, кто к нему обращался. Тем более что ничего такого, что заставило бы Гринвальда бросить все и заняться новой историей, Цинциннат не сообщил. Фраза про людей, с которыми Гринвальд непременно захотел бы вступить в переписку, была слишком туманной, чтобы его заинтересовать. Поэтому Гринвальд не ответил на письмо Цинцинната.

Пару дней спустя Цинциннат прислал Гринвальду второе электронное письмо с просьбой подтвердить получение первого. Гринвальд ответил, что прочитал его, но не имел в своем распоряжении шифровальной программы и нужно было поискать кого-нибудь, кто помог бы ему разобраться в этом вопросе. Цинциннат ответил в тот же день. Он прислал пошаговую инструкцию, описывавшую установку программы для шифрования электронной почты. Цинциннат попросил Гринвальда сообщить, если ему не удастся найти специалиста, который научит его, как установить шифровальную программу и как ею пользоваться. Цинциннат выразил готовность подсказать, к кому можно было обратиться по этому поводу. Второе письмо Цинцинната заканчивалось словами: «Криптографически Ваш, Цинциннат».

Прошло семь недель, но Гринвальду так и не удалось выкроить время, чтобы установить и настроить шифровальную

программу. 28 января 2013 года Гринвальд написал Цинциннату, что собирался обратиться за помощью к эксперту в области криптографии и надеялся приступить к шифрованию своей электронной переписки уже на следующей неделе.

«Отличная новость, — ответил на следующий день Цинциннат. — Если в будущем понадобится дополнительная помощь или возникнут какие-то вопросы, всегда к Вашим услугам». Однако Гринвальд снова не предпринял никаких действий, будучи полностью поглощен своими повседневными делами.

Ситуация стала тупиковой. Чтобы выкроить время и установить шифровальную программу, Гринвальду требовалось подтверждение серьезности намерений Цинцинната. А тот не мог их предоставить, пока Гринвальд не обзавелся программными средствами шифрования.

Тогда Цинциннат подготовил и прислал Гринвальду видеоролик под названием «Криптография для журналистов». В этом видеоролике он наглядно продемонстрировал Гринвальду процесс установки и настройки шифровальной программы. Пояснительный текст был озвучен при помощи компьютерной программы, которая синтезировала человеческую речь. Но и это не помогло сдвинуть дело с мертвой точки.

18 апреля 2013 года Гринвальд прилетел из Рио-де-Жанейро, где постоянно проживал, в Нью-Йорк, чтобы выступить там с лекциями по поводу нарушений гражданских

прав в США. Сразу по прибытии Гринвальд получил электронное письмо от Лауры Пойтрас, режиссера-кинодокументалиста. Она интересовалась, планировал ли Гринвальд побывать в Нью-Йорке в ближайшее время, и выражала горячее желание поскорее с ним увидеться.

Пойтрас, как и Гринвальд, придерживалась нетрадиционной сексуальной ориентации. Она была ярким противником превращения США в полицейское государство и успела пострадать за свои убеждения.

Более десяти лет Пойтрас проработала над документальной кинотрилогией, в которой подробно и откровенно рассказывалось об Америке после терактов 11 сентября 2001 года. Это вызвало недовольство американских властей. В результате каждый раз, когда она прилетала в США из Берлина, где постоянно проживала и монтировала отснятые материалы, ее задерживали сотрудники министерства национальной безопасности, допрашивали, тщательно досматривали, изымали ноутбуки и мобильные телефоны. Чтобы защитить свою конфиденциальную информацию от посягательств правительства США, Пойтрас была вынуждена освоить работу с шифрованными программами.

Лаура Пойтрас

В 2012 году Пойтрас закончила работу над последним фильмом своей трилогии. Она сняла интервью с Уильямом Бинни, который более сорока лет проработал в АНБ. После выхода на пенсию он попытался привлечь внимание американской общественности к электронной слежке со стороны АНБ внутри страны. Пойтрас поместила отснятое интервью с Бинни на интернет-сайте газеты «Нью-Йорк тайме» и написала статью, в которой поведала, что значило для простого американского гражданина быть мишенью для АНБ.

Гринвальд с большим уважением относился к Пойтрас и поэтому ответил на ее электронное письмо немедленно: «Я только что прилетел в Нью-Йорк этим утром». Они договорились встретиться на следующий день. А еще Пойтрас попросила Гринвальда в целях соблюдения конфиденциальности оставить свой сотовый телефон в отеле или вынуть из него аккумулятор. По ее словам, спецслужбы могли дистанционно активировать сотовые телефоны и ноутбуки для использования в качестве подслушивающих устройств, причем даже в выключенном состоянии.

На состоявшейся встрече Пойтрас рассказала Гринвальду, что получила несколько анонимных электронных писем. Их отправитель утверждал, что обладает доступом к секретным документам, изобличавшим американское правительство в тайной электронной слежке за гражданами США. Он выразил готовность предать гласности эти документы при

условии, что к работе с ними Пойтрас привлечет Гринвальда. Пойтрас вытащила из сумки несколько листов бумаги с фрагментами переписки с таинственным анонимом.

Первое письмо гласило: «Лаура, мне нечего предложить Вам, помимо моего собственного ручательства. Я занимаю высокую государственную должность в разведывательном сообществе. Я надеюсь, Вы понимаете, что общение с Вами является для меня исключительно рискованным, и Вы согласитесь принять нижеперечисленные меры предосторожности, прежде чем мы продолжим наше общение. Вы не пожалеете о потраченном времени. Это может показаться сложным, но технически грамотный человек сделает это за несколько минут. Я хотел бы получить от Вас подтверждение по электронной почте, что криптографические ключи, которыми мы обменяемся, не были перехвачены и подменены теми, кто занимается слежкой за Вами. Пожалуйста, подтвердите, что никто никогда не получал от Вас копию Вашего секретного криптографического ключа и что для его защиты используется стойкий пароль доступа. Вы только подумайте, что Ваш противник может перебирать по триллиону криптографических ключей в секунду в поисках подходящего. Если пароль для доступа к носителю, на котором Вы храните свой секретный криптографический ключ, будет взломан, дешифровать Вашу переписку будет проще простого. Поймите, что вышеупомянутые меры предосторожности не дают стопроцентной гарантии и позволяют нам получить лишь

временную передышку. Если Вы в конечном счете решите опубликовать исходный материал, то, скорее всего, именно меня объявят виновником произошедшего. Но это не должно удерживать Вас от публикации моей информации. Спасибо, и будьте осторожны».

Далее автор обещал в самом скором времени (примерно через месяц) предоставить секретные документы и просил при их обсуждении вынимать аккумуляторы из телефонов или хотя бы класть телефоны в холодильник, чтобы затруднить подслушивание. Его план действий вкратце состоял в следующем: «Шок от первых разоблачений поможет заручиться поддержкой, которая необходима, чтобы построить Интернет, где будет царить равноправие. Но простые пользователи не сумеют извлечь из этого никакой выгоды, если закон по-прежнему не будет поспевать за научными достижениями. Только понимая, как действуют механизмы, которые позволяют нарушать наше право на тайну переписки, мы сможем одержать здесь победу. Мы сумеем гарантировать всем одинаковую степень защиты от противозаконной слежки. Но только если технари захотят осознать угрозу нашей безопасности и для отражения этой угрозы последовательно будут внедрять заново разработанные технические решения. В конечном итоге мы добьемся воплощения в жизнь принципа, согласно которому единственный способ для наших властителей добиться соблюдения своего права на частную жизнь будет состоять в том, чтобы обеспечить безусловное

соблюдение такого же права для всех простых людей – в соответствии с законами природы, а не по прихоти отдельных личностей».

Гринвальд и Пойтрас сошлись во мнении, что этот анонимный источник заслуживал самого серьезного внимания с их стороны. И они решили довериться своей интуиции и жизненному опыту, которые подсказывали им, что отправитель электронных сообщений, полученных Пойтрас, действовал исключительно из искренних побуждений.

Через три дня Гринвальд и Пойтрас встретились снова, чтобы обсудить новое письмо потенциального разоблачителя, в котором тот объяснял, ради чего готов был рискнуть своей свободой, а возможно, и самой жизнью, раскрывая содержание секретных документов, имевшихся в его распоряжении. Оно еще больше убедило Гринвальда и Пойтрас, что все было очень серьезно. Однако по возвращении в Рио Гринвальд решил выбросить эту историю из головы: в конце концов, несмотря на всю серьезность своих намерений, разоблачитель мог передумать или быть пойманным на месте преступления при попытке украсть очередную порцию секретных документов.

Прошли еще три недели. 11 мая 2013 года с Гринвальдом связался по электронной почте технический эксперт, с которым Пойтрас и Гринвальд консультировались некоторое время тому назад. Он попросил Гринвальда сообщить свой почтовый адрес, чтобы прислать материалы, которые

помогут ему освоить шифровальную программу. Гринвальд терялся в догадках: будет ли это учебное пособие по криптографии, или дистрибутив шифровальной программы, или копии секретных разоблачительных документов? Гринвальд позвонил Пойтрас. Но она отказалась рассказать по телефону, что именно ему должно было прийти по почте.

Десять дней спустя Гринвальд получил почтовый конверт, в котором нашел две флешки. Вместе с ними в конверте лежал листок бумаги с краткими печатными инструкциями по использованию различных программных средств компьютерной безопасности, а также с именами и паролями для доступа к почтовому серверу для рассылки зашифрованных электронных сообщений. А еще через день Гринвальду позвонила Пойтрас и попросила связаться с ней с помощью программы обмена мгновенными сообщениями через Интернет, которая поддерживала криптографический протокол для защиты от прослушки. Гринвальд пользовался подобными программами в прошлом. Поэтому ему не составило особого труда быстро найти и установить на свой компьютер одну из таких программ. Он обзавелся учетной записью и добавил Пойтрас в свою адресную книгу. Она связалась с Гринвальдом почти сразу.

Гринвальд спросил Пойтрас, когда сможет ознакомиться с секретными документами. Она ответила, что это решает только их анонимный источник. Пойтрас добавила, что надо будет съездить в Гонконг, чтобы встретиться с источни-

ком. Гринвальд был слегка озадачен. Что человек, имеющий доступ к секретным правительственным документам, делал в Китае? Для себя Гринвальд решил, что отправится в Гонконг хотя бы для того, чтобы выяснить, почему этот человек оказался там.

Пойтрас проинформировала Гринвальда о назревавшей проблеме. С разрешения анонимного источника секретной информации несколько документов, имевших отношение к тайной программе АНБ под названием «Призма», были переданы Пойтрас в распоряжение журналиста «Вашингтон пост» Бартона Гелльмана. Однако вместо того, чтобы немедленно напечатать сенсационную статью про эту программу, редакция газеты наняла большую команду адвокатов, которые принялись выдвигать невыполнимые требования и предостерегать от возможных юридических последствий публикации. Было очевидно, что расширение круга лиц, привлеченных в «Вашингтон пост» к работе с полученными секретными документами, ставило под угрозу безопасность анонимного источника этих документов. Пойтрас попросила Гринвальда лично обсудить с ней сложившуюся ситуацию.

Не прошло и сорока минут, как с Гринвальдом связался аноним. Он пояснил, что отдал другому журналисту материалы про «Призму», чтобы Гринвальд мог сосредоточить свои усилия на освещении массовой электронной слежки со стороны АНБ в целом, а не на отдельных ее деталях. И для по-

лучения доступа к секретным документам, связанным с этой слежкой, от Гринвальда требовалось немедленно приехать в Гонконг.

Другой важной темой их почти двухчасового разговора стала цель, которую преследовал анонимный источник. Он сказал: «Я хочу, чтобы во всем мире начались дебаты по поводу соблюдения права граждан на неприкосновенность частной жизни и на свободу волеизъявления в Интернете, а также об опасности массовой электронной слежки со стороны государства. Я не боюсь того, что может случиться со мной. Я уже смирился, что после этого моей жизни придет конец. Меня это не беспокоит. Я уверен, что поступаю правильно».

Аноним хотел, чтобы после публикации его разоблачений о нем стало известно как об источнике этих разоблачений. По его мнению, только так он сможет объяснить всем, почему решился на подобный шаг и какую при этом преследовал цель. Он подготовил документ, который хотел бы разместить в Интернете после того, как выступит с разоблачениями. Этот документ должен был стать манифестом за право на неприкосновенность частной жизни и против правительственной слежки. Его должны были подписать люди по всему миру, чтобы продемонстрировать всеобщую поддержку невмешательства государства в частную жизнь граждан.

Больше всего анонимный источник опасался, что его самоотверженные усилия окажутся напрасными. Люди отне-

сутся к ним с безразличием и вскоре о них забудут. Гринвальд по своему опыту хорошо знал, что такое развитие событий было вполне вероятным. Ведь в подавляющем большинстве случаев отношение к злоупотреблениям АНБ в США было довольно индифферентным: они были сложны для восприятия обычными людьми и носили слишком абстрактный характер.

Но в этот раз чутье подсказывало Гринвальду, что все сложится совершенно иначе. Ведь средства массовой информации всегда уделяли повышенное внимание разоблачениям, сопровождаемым утечкой секретной информации. Кроме того, сам факт, что источником этих разоблачений являлся сотрудник спецслужбы, а не правозащитник или юрист, придавал им дополнительную ценность в глазах общественности.

И все же Гринвальд по-прежнему не видел особых оснований бросить все свои дела и отправиться на другой конец планеты, чтобы встретиться там с незнакомцем, который пока не предоставил весомых подтверждений серьезности своих намерений. Являлся ли он на самом деле тем, за кого себя выдавал? А может быть, это была ловушка или подстава?

Поэтому Гринвальд написал анонимному источнику, что готов вылететь в Гонконг, но сначала желал бы получить для ознакомления пару-тройку документов, чтобы лучше понять характер грядущих разоблачений. В ответ Гринвальд получил список программ, которые должен был установить на

свой компьютер. На это ушло два дня, после чего ему был присланы сразу двадцать пять документов. В сопроводительном письме говорилось, что это была всего лишь «верхушка верхушки айсберга».

Гринвальд открыл первый попавшийся ему на глаза документ. Он был снабжен отметкой «Совсекретно/РСС/Недляиностран». Это означало, что документ имел гриф «совершенно секретно», содержал информацию, добытую разведкой средствами связи, и ни при каких условиях не мог быть передан иностранным гражданам для ознакомления.

Сомнений не было: в самом секретном правительственном ведомстве США произошла утечка конфиденциальной информации, равной которой не было за всю его более чем шестидесятилетнюю историю. В распоряжении Гринвальда оказалась пара дюжин секретных документов АНБ. И их анонимный источник утверждал, что является обладателем огромного количества других подобных документов, которые готов был предоставить Гринвальду.

Документ, наугад выбранный Гринвальдом для прочтения, представлял собой учебное пособие для аналитиков АНБ, посвященное новейшим методам ведения электронной слежки. В нем, в частности, перечислялись поисковые запросы, которые могли делать аналитики (по сетевому адресу компьютера, номеру телефона, адресу электронной почты), и возможные ответы на сделанные запросы (в виде текста электронного письма, набора метаданных, подслушанно-

го чата).

Сердце Гринвальда учащенно забилося. Чтобы немного успокоиться, он несколько раз прошелся по всему дому. Только после этого Гринвальду удалось сфокусировать свое внимание на содержании следующего документа. Это была электронная презентация, озаглавленная «Призма/США-918. Обзор». Она была посвящена программе «Призма», которая позволяла АНБ получать данные с серверов крупнейших американских интернет-компаний – «Гугл», «Фейсбук», «Скайп», «Яху» и других. Гринвальд опять разволновался так сильно, что был вынужден на время прекратить дальнейшее чтение, чтобы хоть немного прийти в себя.

Анонимный источник пообещал дополнительно прислать Гринвальду большую подборку других секретных документов АНБ. Возможность познакомиться с ними Гринвальд получит только тогда, когда для этого наступит подходящее время. Однако Гринвальду, чтобы принять окончательное решение отправиться в Гонконг, оказалось достаточно и того, что он уже успел увидеть своими глазами.

Учитывая важность документов, полученных от анонимного источника, и их крайнюю конфиденциальность, Гринвальд решил обратиться за помощью в газету «Гардиан», с которой сотрудничал. Он связался по «Скайпу» с главой американской редакции «Гардиан» Джанин Гибсон. «Гардиан» изначально предоставила Гринвальду полную свободу

ду действий: никто не редактировал написанные им статьи и даже не рецензировал их. В ответ Гринвальд пообещал своевременно уведомлять руководство «Гардиан» о возникновении ситуаций, которые могли повлечь для газеты негативные юридические последствия. За последние девять месяцев такие ситуации возникали всего пару раз, поэтому общение Гринвальда с редакторами из «Гардиан» было минимальным. Однако в данном случае все указывало на то, что Гринвальду следовало обязательно проконсультироваться с кем-то из ответственных лиц в редакции «Гардиан», прежде чем предпринимать какие-либо действия.

«Джанин, у меня сенсационная новость, – сказал Гринвальд по «Скайпу» Гибсон. – Я установил контакт с человеком, по-видимому обладающим доступом к большому количеству совершенно секретных документов АНБ. Несколько из них я уже получил, они поразительны. Он говорит, что у него много таких документов. По неизвестной причине сейчас он находится в Гонконге. Пока не знаю почему, но он хочет, чтобы я приехал в Гонконг для встречи с ним. Из того, что он мне уже дал и что я успел просмотреть, все очень серьезно...»

Гибсон ответила, что не хочет обсуждать этот вопрос по «Скайпу», и предложила Гринвальду немедленно прилететь в Нью-Йорк для личной встречи. Гринвальд согласился. Он планировал заинтересовать Гибсон полученными документами и договориться о командировке в Гонконг, чтобы по-

видаться с их источником. Гринвальд сообщил о своих планах Пойтрас, и они договорились встретиться в Нью-Йорке, чтобы вместе вылететь в Гонконг.

На следующий день, 31 мая 2014 года, в девять часов утра Гринвальд вселился в гостиницу на Манхэттене и после этого встретился с Пойтрас. Первым делом они пошли в магазин и купили ноутбук. На нем Гринвальд и Пойтрас собирались хранить секретные документы, которые рассчитывали получить в Гонконге. Купленный ноутбук никогда не был подключен к Интернету. Поэтому, если бы спецслужбы типа АНБ вознамерились тайно получить доступ к хранимой на нем информации, им бы пришлось использовать для этого более сложные методы, чем при наличии действующего интернет-соединения. Например, можно было попытаться установить внутрь ноутбука «жучок». Однако если владелец постоянно держал ноутбук при себе, то шансы сделать это были весьма невелики.

Купив ноутбук, Гринвальд и Пойтрас отправились в нью-йоркский офис «Гардиан» на встречу с Гибсон. Она ждала их в своем кабинете вместе с заместителем Стюартом Милларом. Гринвальд показал Гибсон и Миллару документы АНБ, полученные от анонимного источника. К ним было приложено послание журналистам, в котором говорилось:

«Моим главным побудительным мотивом является желание проинформировать общественность о том, что делается от ее имени и противоречит ее интересам. Правитель-

ство США, вступив в заговор с правительствами своих сателлитов, главными из которых являются Австралия, Англия, Канада и Новая Зеландия, навязали всему миру систему секретной всепроникающей слежки, от которой невозможно укрыться. Они прячут собственные внутренние системы слежки от надзора со стороны гражданского населения с помощью завесы секретности и лжи, ищут защиты от обвинений в случае утечек секретной информации, чрезмерно преувеличивая весьма ограниченную степень защиты, которую избирательно предоставляют своему народу...

Прилагаемые документы являются настоящими и подлинными, они призваны объяснить, как устроена система глобальной тайной слежки с тем, чтобы разработать средства защиты от нее. В настоящее время все коммуникационные данные, которые могут быть обработаны и каталогизированы этой системой, предназначены для многолетнего хранения. С этой целью по всему миру создаются новые огромные хранилища данных (из соображений секретности именуемые «специализированными»). Самое крупное из них находится в штате Юта. И хотя я очень надеюсь, что гласность и публичные дебаты приведут к реформам, следует иметь в виду, что неутолимая жажда власти заставляет правительство США придумывать все новые уловки и даже нарушать конституцию...».

Изучив документы и послание анонимного источника, Гибсон предложила Гринвальду вылететь в Гонконг следую-

щим утром. Это означало, что он мог рассчитывать на поддержку «Гардиан».

Вечером Гибсон позвонила Гринвальду. Она сказала, что хочет, чтобы в Гонконг вместе с ним и Пойтрас отправился репортер «Гардиан» с двадцатилетним стажем Ивин Макаскилл.

Ивин Макаскилл

Гринвальд не знал Макаскилла. Что более важно, не знал его и анонимный источник. Тот ждал к себе в гости в Гонконг только Гринвальда и Пойтрас. Да и Пойтрас, по мнению Гринвальда, это вряд ли понравится, поскольку она все тщательно планировала заранее и не любила внезапных изменений в череде запланированных событий.

Так оно и вышло. Узнав о намерении Гибсон послать в Гонконг Макаскилла, Пойтрас сказала Гринвальду, что это невозможно. Гринвальд попытался пояснить Пойтрас мотивы, которыми руководствовалась Гибсон. Между ним и «Гардиан» еще не успели сложиться полностью доверительные отношения. Поэтому, когда встал вопрос о публикации на страницах газеты сенсационных документов, попавших в распоряжение Гринвальда, срочно понадобился надежный человек, который давно работал в «Гардиан» и мог бы оценить, насколько эти документы заслуживали внимания.

Пойтрас, выслушав рассуждения Гринвальда, осталась при своем мнении. Участие в мероприятии третьего мало-знакомому человека могло привлечь нежелательное внимание властей и напугать анонимный источник. В качестве компромисса Пойтрас предложила, чтобы Макаскилл приехал в Гонконг несколькими днями позже, когда Гринвальд и Пойтрас сумеют заручиться доверием со стороны анонима. Но Гибсон была непреклонна: Макаскилл должен лететь в Гонконг тем же рейсом, что и Гринвальд с Пойтрас.

Гринвальд проинформировал об этом Пойтрас, как только они сели в такси, чтобы ехать в аэропорт. Пойтрас пришла в ярость и обвинила Гринвальда в том, что он поставил под удар успех всего мероприятия. В свое оправдание Гринвальд сказал, что Гибсон не прислушалась к его возражениям и что, согласно договоренности, Макаскилл должен был присоединиться к ним на более поздней стадии, когда контакт с анонимным источником будет установлен. Но Пойтрас не желала ничего слушать.

Некоторое время Гринвальд и Пойтрас молчали, обдумывая сложившуюся ситуацию. Потом Гринвальд нарушил молчание, сказав, что Пойтрас права и надо что-то предпринять. Он предложил максимально игнорировать Макаскилла, по возможности делая вид, что его не существует. Пойтрас молча кивнула и извлекла из сумки флешку.

«Что это?»— спросил Гринвальд. «Секретные документы», — ответила Пойтрас. Она пояснила, что Гринвальд должен изучить документы на флешке, которую прислал ей анонимный источник из Гонконга. А по прибытии туда Гринвальд получит свою собственную подборку секретных документов.

Сразу после взлета Гринвальд достал купленный вместе с Пойтрас ноутбук и углубился в изучение документов на флешке. Следующие шестнадцать часов полета он только и делал, что читал документ за документом. Одни из них были такими же шокирующими, как презентация «Призмы», с

которой он успел ознакомиться ранее. Другие производили еще более сильное впечатление.

Первым на глаза Гринвальду попался ордер, выданный судебной комиссией по надзору за внешней разведкой. Эта комиссия была учреждена американским конгрессом в 1978 году после того, как комитет под председательством конгрессмена Черча обнаружил, что правительство США десятилетиями занималось незаконной электронной слежкой. Американскому правительству было позволено продолжить слежку, но только под наблюдением судебной комиссии, чтобы предотвратить злоупотребления. Мало кто имел возможность ознакомиться с ордерами этой комиссии, поскольку им автоматически присваивался наивысший гриф секретности. Доступ к ним был разрешен только горстке правительственных чиновников.

Тем не менее известно, что с 1978 по 2002 год судебная комиссия по надзору за внешней разведкой ни разу не отказала АНБ в выдаче ордера на электронную прослушку. А с 2003 по 2012 год количество отказов было ничтожно мало – менее 0.06 %. При этом судебная комиссия внесла незначительные поправки в менее чем 3 % общего числа заявок от АНБ.

Сверхсекретный ордер, который Гринвальд прочел по пути из Нью-Йорка в Гонконг, представлял особый интерес по двум причинам. Во-первых, он обязывал телекоммуникационную компанию «Веризон» передавать в распоряжение

АНБ все регистрационные записи о телефонных соединениях своих абонентов. Это означало, что АНБ тайно и без разбору собирало информацию о звонках десятков миллионов американцев.

Во-вторых, в ордере было сказано, что этот массовый сбор информации осуществлялся на основании американского «Закона о патриотизме». Гринвальда поразила вольная интерпретация этого закона исполнительной властью США. Принятый вскоре после событий 11 сентября 2001 года «Закон о патриотизме» вызвал немало споров, поскольку разрешил американскому правительству обосновывать правомерность получения доступа к конфиденциальной информации об американских гражданах лишь ее «релевантностью» вместо наличия «вероятной причины». Таким образом, ФБР, чтобы заполучить в свое распоряжение истории болезни, банковские счета и регистрационные записи о телефонных соединениях американцев, надо было только продемонстрировать, что это имело хоть какое-то отношение к проводимому расследованию.

Однако ни республиканцы, в 2001 году яростно отстаивавшие необходимость принятия «Закона о патриотизме», ни борцы за права человека, предупреждавшие о неблагоприятных последствиях его принятия, не могли тогда и помыслить о том, что этот закон будет использован, чтобы вести слежку за всеми американцами вне зависимости оттого, подозревались они в совершении каких-либо правонаруше-

ний или нет. Ордер, предписывавший компании «Веризон» передавать в АНБ все свои регистрационные записи о телефонных звонках, неопровержимо свидетельствовал о том, что такая слежка стала реальностью.

Некоторое время назад американские сенаторы-демократы Рональд Вайден и Марк Юдалл, члены сенатского комитета конгресса по делам разведки, неоднократно высказывали свою обеспокоенность правительственной интерпретацией законодательства США, которая в период правления Обамы позволила АНБ получить невиданные до той поры секретные полномочия в области разведки. Вайден и Юдалл так и не осмелились поведать широкой общественности, в чем именно состояли эти полномочия и интерпретация законодательства. Хотя они, будучи конгрессменами, обладали иммунитетом от судебного преследования за подобные разоблачения. Гринвальд сразу понял, что ордер, адресованный компании «Веризон», был оформлен в рамках именно тех секретных полномочий АНБ, на которые в свое время намекали Вайден и Юдалл.

Другая важная тема, которая затрагивалась в документах, переданных Пойтрас на флешке анонимным разоблачителем, состояла в лживости официальных заявлений правительства США по поводу разведывательных операций АНБ. На флешке была папка, которая так и называлась: «Безграничный информатор (АНБ лгало конгрессу)». В этой папке находились десятки документов с подробными статистиче-

скими данными относительно количества телефонных звонков и электронных почтовых отправок, ежесуточно перехватываемых в АНБ. «Безграничным информатором» называлась программа, которая использовалась АНБ для подсчета и наглядного отображения количественных характеристик процесса сбора разведывательной информации. Особенно запомнилась Гринвальду одна диаграмма, на которой отображалось количество сообщений, перехваченных из американских сетей связи в феврале 2013 года. Оно исчислялось тремя миллиардами!

Эти данные неопровержимо свидетельствовали, что руководство АНБ годами лгало, отвечая на вопросы о деятельности своего ведомства. Американские конгрессмены многократно пытались выяснить, сколько телефонных звонков и электронных сообщений граждан США, перехватывало АНБ. И получали стереотипный ответ, что в АНБ не ведется учет этих данных. А на самом деле все обстояло совершенно иначе.

Документы из папки «Безграничный информатор (АНБ лгало конгрессу)» вместе с ордером судебной комиссии по надзору за внешней разведкой в отношении компании «Веризон» неопровержимо доказывали, что директор разведки США² Джеймс Клеппер нагло солгал конгрессу США. 12

² Американский правительственный чиновник, подчинявшийся непосредственно президенту и исполнявший обязанности его советника по делам разведки.

марта 2013 года конгрессмен Рональд Вайден на слушаниях в конгрессе задал ему вопрос: «Собирает ли АНБ какие-либо данные на миллионы или десятки миллионов американцев?». Ответ Клеппера был столь же лживым, насколько он был кратким: «Нет, сэр».

Последний файл, с которым Гринвальд ознакомился по пути в Гонконг, назывался «Прочтима». В нем анонимный разоблачитель опять перечислил причины, по которым решился предать гласности секретные документы АНБ, и цели, которые при этом преследовал. Тон и манера изложения были такими же, как и в послании журналистам, которое Гринвальд ранее передал в редакцию «Гардиан». Примечательным было иное: в самом конце присутствовали имя и фамилия анонимного разоблачителя – Эдвард Сноуден.

Встреча

Гринвальд, Пойтрас и Макаскилл прилетели в Гонконг вечером 2 июня 2013 года. Они собирались встретиться со Сноуденом сразу же после размещения в отеле. Как только Гринвальд оказался в своем номере, он включил ноутбук и связался со Сноуденом с помощью программы обмена мгновенными сообщениями. Поинтересовавшись, как прошел перелет из Нью-Йорка в Гонконг, Сноуден пригласил Гринвальда приехать к себе в отель.

Приглашение немного озадачило Гринвальда. Он считал, что Сноуден прятался в Гонконге от американских властей. Наиболее подходящим местом для этой цели, по мнению Гринвальда, была бы скрытая от посторонних глаз хибара в гонконгских трущобах, но никак не комфортабельный отель у всех на виду.

Сноуден предложил встретиться на следующее утро, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Он сказал, что было бы странно, если бы иностранцы, прилетевшие поздним вечером в Гонконг, сразу после регистрации в отеле покинули его на ночь глядя. Учитывая, что Сноуден имел опыт работы в американских спецслужбах, Гринвальд решил прислушаться к его мнению и отложить встречу с ним до следующего утра.

Встреча должна состояться в менее посещаемой части

отеля, но не совсем безлюдной, рядом с большим пластиковым крокодилом. Нужно было произнести заранее условленные фразы. Предполагалось, что своего корреспондента Гринвальд и Пойтрас идентифицируют по кубику Рубика, который тот будет держать в руках.

В назначенное время Гринвальд и Пойтрас заняли исходную позицию возле крокодила. Сноуден оказался бледным молодым человеком, на вид ему было не более двадцати пяти лет. В руках он держал кубик Рубика. Как было заранее оговорено, Гринвальд спросил у Сноудена: «Когда открывается ресторан?» Тот ответил: «В полдень. Не ходите туда, еда отвратительная». После этого Сноуден пригласил Гринвальда и Пойтрас следовать за ним. Все трое спустились на первый этаж на лифте и прошли к номеру 1014. Сноуден открыл дверь и пригласил журналистов внутрь.

Разговор в номере Сноуден начал с рассказа о себе. Ему было двадцать девять лет, и он работал в подрядческой фирме по контрактам с АНБ. Его рабочее место находилось в операционном центре АНБ на Гавайях. Две недели назад Сноуден отпросился на несколько дней на работе и вылетел в Гонконг. С собой у Сноудена были четыре ноутбука.

Зачем Сноудену нужно было такое количество ноутбуков? Они были «подсадными утками» – на каждом хранилась крошечная часть украденных секретных данных. Сноуден не мог рисковать потерей всей своей добычи. Ведь если бы его задержали, то непременно бы обыскали. Поэтому

ноутбуки должны были содержать хоть какую-то компрометирующую информацию. Иначе дознаватели продолжили бы поиск и докопались бы до главного. Атак Сноуден надеялся отделаться минимальными обвинениями, прежде чем станет известен весь масштаб нанесенного им ущерба.

Гринвальд спросил Сноудена, как ему в столь молодом возрасте и при отсутствии необходимого образования удалось попасть на престижную работу в американские спецслужбы. Сноуден сказал, что во всем разведывательном сообществе США ощущается острая потребность в высококвалифицированных технических кадрах. Оно превратилось в такую огромную и разветвленную систему, что стало испытывать значительные трудности в подборе персонала. Люди, разбиравшиеся в компьютерах, как правило, были молоды, малообщительны и не демонстрировали существенных достижений в общеобразовательных программах. Они считали Интернет гораздо более эффективным инструментом для повышения уровня своего образования по сравнению с традиционными учебными заведениями. Сноуден был именно таким человеком. Он довольно быстро доказал, что обладает гораздо лучшими познаниями в компьютерной области, чем большинство его старших по возрасту коллег, получивших образование в колледже.

Последовавшие подробные расспросы Сноудена окончательно убедили Гринвальда и Пойтрас, что Сноуден говорил им правду. Аргументировано звучали в его устах и причины,

по которым он решился на такой поступок.

Согласно Сноудену, получив в свое распоряжение беспрецедентные по масштабности и эффективности средства электронной слежки, АНБ грубо попрало и конституцию США, и право американских граждан на неприкосновенность частной жизни. При этом конечная цель, которую преследовало АНБ, вырисовывалась для Сноудена вполне четко: собирать все обо всех и хранить собранные данные в течение ничем неограниченного периода времени. В результате стараниями АНБ Интернет превратился в программно-аппаратную платформу глобального кибершпионажа со стороны США и их союзников. Чтобы кратко охарактеризовать сложившуюся ситуацию, Сноуден использовал слово «паноптикон»— проект идеальной тюрьмы английского философа XVIII века Иеремии Бентама. Паноптикон был устроен таким образом, что всего несколько охранников могли наблюдать за всеми заключенными одновременно. Сноуден сказал Гринвальду и Пойтрас, что современный мир все больше начинал напоминать ему паноптикон. Вот почему Сноуден решил предать огласке секретные документы, попавшие в его распоряжение. Он не хотел жить в мире, в котором все, что говорилось и делалось, становилось известно посторонним лицам.

Биография

Эдвард Иосиф Сноуден родился 21 июня 1983 года. Его родители Лонни и Элизабет поженились, когда им было по восемнадцать лет. Лонни служил в береговой охране. Он придерживался консервативных взглядов и одновременно был либертарианцем³. Лонни ясно выражал свои мысли, был начитанным и часто цитировал американского поэта Ральфа Эмерсона, выступавшего в защиту людей, которые твердо следовали своим принципам, несмотря на давление со стороны коррумпированного государства.

Маленький Эдвард переехал вместе с родителями в штат Мериленд в окрестности Вашингтона. Завершить обучение в средней школе вместе со сверстниками ему помешала болезнь, из-за которой он пропустил примерно полгода занятий. Позднее Сноуден окончил компьютерные курсы и вскоре все-таки сумел получить диплом о среднем образовании, сдав тесты по программе средней школы.

В феврале 2001 года Элизабет Сноуден подала на развод, и три месяца спустя они с Лонни официально развелись. Эдвард остался жить с матерью, которая поселилась в Элликотт-Сити, в 15 минутах езды от Форт-Мида, где располагалась штаб-квартира АНБ. Многие из его соседей работа-

³ Либертарианизм – социально-политическая доктрина, отрицающая правомочность любого вмешательства государства в личную жизнь человека.

ли там. Сноудена не привлекала перспектива поступить на работу в АНБ. Он интересовался компьютерами в целом, а не применительно к какой-то конкретной области. Сноудена манил Интернет, который он считал самым важным человеческим изобретением 20-го века. Большую часть своего времени Сноуден проводил, занимаясь интернет-серфингом и играя в компьютерные игры.

В какой-то момент Сноуден осознал, что такое времяпровождение абсолютно не совместимо с карьерой, и в 2003 году получил сертификат системного инженера «Майкрософт». Однако в штате Мериленд у него практически не было шансов устроиться на работу по этой специальности в отсутствие высшего образования и допуска к государственным секретам.

В поисках возможного работодателя Сноуден обратил свой взор в сторону американских вооруженных сил, которые тогда как раз затеяли военное вторжение в Ирак. В мае 2004 года Сноуден добровольно поступил на военную службу. Он был отправлен в тренировочный лагерь в штате Джорджия, где после десяти недель начальной подготовки ему предстояло пройти интенсивный курс обучения пехотинцев. Из успешно закончивших этот курс производился отбор в элитные войска специального назначения.

Однако Сноуден оказался мало непригодным для военной службы. Во-первых, у него было плохое зрение, и без очков он не видел дальше своего собственного носа. Во-вторых, у

Сноудена оказались очень узкие ступни ног, что не позволяло подобрать ему подходящие по размеру армейские сапоги.

Курс обучения пехотинцев оказался настолько интенсивным, что во время его прохождения Сноуден сломал себе обе ноги. Через месяц он был уволен из рядов американских вооруженных сил по болезни. На этом его военная карьера закончилась.

Сноуден вернулся обратно в Мериленд. Там, благодаря службе в армии, он устроился сначала охранником, а потом специалистом по обеспечению информационной безопасности в лингвистический центр при Мерилендском университете.

В июле 2006 года Сноудену удалось поступить на службу в Центральное разведывательное управление США (ЦРУ). В сообщении на интернет-форуме он написал про ЦРУ, что «туда труднее всего прорваться, а оказавшись внутри, можно расслабиться и считать, что дело сделано».

В ЦРУ Сноудену больше всего понравились возможность путешествовать за государственный счет и полученный допуск к государственным секретам. И хотя недостатка в претендентах на считавшиеся более престижными цэрэушные должности в Западной Европе не было, попасть туда, по мнению Сноудена, можно было обходным путем: сначала изъяснить добровольное желание поработать на ЦРУ в какой-нибудь третьесортной азиатской стране, отбыть там положенный срок, а потом получить возможность выбирать более

привлекательные страны для продолжения службы.

В 2007 году Сноуден был отправлен в служебную командировку в Женеву. Там ему было поручено следить за безопасностью компьютеров и компьютерных сетей в дипломатическом представительстве США, а также за исправностью систем отопления и кондиционирования.

В Швейцарии Сноудену не понравились высокие цены, отсутствие водопроводной воды в ресторанах и большое количество людей, которые не знали английского языка. Сноуден также отметил высокий уровень благосостояния швейцарцев: рядовой работник сетевой закуской в Швейцарии получал больше, чем он сам.

В Женеве Сноуден посетил несколько мероприятий, которые проводились в поддержку движения за независимость Тибета. На одном из этих мероприятий он познакомился с рок-певцом из Эстонии Роем Страйдером. Их беседы касались различных политических проблем, включая палестино-израильские отношения и роль США в международных делах. Сноуден произвел на Страйдера впечатление интеллигентного человека, откровенного и самодостаточного, себе на уме и немного упрямого.

По служебной надобности Сноуден совершил из Швейцарии несколько поездок в другие европейские страны – Боснию, Испанию, Италию и Румынию.

Время действовать

В 2009 году Сноуден уволился из ЦРУ по собственному желанию и устроился в компанию «Делл» работать по договорам подряда с АНБ в Японии. В марте 2012 года его новым местом работы стал региональный разведывательный центр АНБ на острове Оаху недалеко от Гонолулу. Главной задачей этого центра являлась электронная слежка за Китаем, Северной Кореей, Таиландом, Филиппинами и Пакистаном.

На Гавайях Сноуден работал системным администратором. Благодаря этой должности он получил доступ ко многим секретным данным. Такой широтой доступа не обладало подавляющее большинство аналитиков АНБ.

В июне 2012 году к Сноудену на Оаху прилетела его подруга Линдси Миллз. Ей было двадцать восемь лет, она выросла в Балтиморе и закончила Мерилендский колледж искусств. В разное время она работала балериной, учительницей танцев, инструктором по фитнесу и танцовщицей на пилоне. Очень увлекалась фотографией.

В АНБ Сноуден стал специалистом по Китаю. Мишенью для его кибератак служили китайские военные компьютерные сети. Помимо этого, Сноуден читал лекции по защите от нападений китайских хакеров высшему командному составу министерства обороны США.

По воспоминаниям одного из своих сослуживцев, Сно-

уден был принципиальным человеком, весьма компетентным, хотя и немного эксцентричным. На работе он носил толстовку с капюшоном, на которой красовалось пародийное изображение герба АНБ: у орла в когтях не было ключа, как на оригинале, а на голове были надеты наушники. Коллеги считали это невинной шуткой.

На рабочем столе Сноудена всегда лежал печатный экземпляр американской конституции, которым он размахивал во время споров с коллегами по работе относительно законности операций АНБ. Бродя по служебным помещениям, Сноуден часто держал в руках кубик Рубика. Он с вниманием относился к сослуживцам, делая им маленькие презенты. А однажды чуть не лишился работы, защищая коллегу, который был наказан за служебное упущение. Тем не менее за 13 месяцев, которые Сноуден провел на Гавайях, он так ни с кем и не подружился. Сноуден редко принимал участие в общественных мероприятиях. Во время празднования дней рождения он обычно стоял в стороне и молчал. Когда однажды сослуживцам удалось заставить Сноудена произнести поздравительную речь, она состояла всего из пяти слов.

В блоге, который вела подруга Сноудена, он фигурировал как «Э.». Его присутствие ощущалось в основном неявным образом. На фотографиях, сделанных Линдси, лица Сноудена не было видно.

Сноудену его жизнь на Гавайях очень нравилась. Он называл ее райской, хотя и не увлекался обычными прелестя-

ми гавайской жизни – серфингом, гольфом и загоранием на пляже.

В начале 2013 года Сноуден перешел из «Делл» в компанию «Буз Аллен Гамильтон». Ради этого он даже отклонил заманчивое предложение поступить на службу в элитное хакерское подразделение АНБ, занимавшееся тайным проникновением в компьютерные системы.

По мнению АНБ, именно в «Буз Аллен Гамильтон» Сноуден сделал надлежащие выводы из своих неудачных попыток получить неавторизованный доступ к секретным данным, будучи на службе в ЦРУ и работая в «Делл». Вместо того чтобы напрямую красть информацию, Сноуден, имея привилегии системного администратора, обзавелся фальшивыми учетными записями с нужными правами доступа. Он также воспользовался учетными записями сотрудников, находившихся в отпусках или отсутствовавших по болезни.

30 марта 2013 Сноуден улетел с Гавайских островов на материк. Следующие несколько недель он провел, занимаясь на учебных курсах в офисе «Буз Аллен Гамильтон», расположенном недалеко от штаб-квартиры АНБ в Форт-Миде.

4 апреля 2013 года Сноуден встретился с отцом. Сноуден-старший потом вспоминал, что сын выглядел задумчивым и его явно что-то тяготило. На прощание Сноудены обнялись и обменялись признанием в любви друг к другу. Впрочем, в этом не было ничего необычного, последнее время они всегда так делали.

Вернувшись на Гавайи, Сноуден продолжил усердно трудиться в «Буз Аллен Гамильтон». Но проработав несколько недель, он обратился к руководству с просьбой предоставить неоплачиваемый отпуск по болезни. Будучи спрошен, каким именно недугом он страдает, Сноуден ответил, что эпилепсией, как и его мать, которая была вынуждена передвигаться в сопровождении собаки-поводыря. 20 мая 2013 года Сноуден вылетел из Гонолулу в Гонконг.

Третий не лишний

Вечером 3 июня 2013 года к Макаскиллу в номер пришел Гринвальд. Он сказал, что, по его мнению, несмотря на молодость, Сноуден вполне заслуживал доверия, и дал согласие на встречу с Макаскиллом.

На следующий день Гринвальд и Макаскилл приехали в гонконгский отель, где остановился Сноуден. В фойе их ждала Пойтрас. Все трое отправились в номер к Сноудену. Перед Макаскиллом предстал молодой человек в тенниске, джинсах и кроссовках. На столе лежала книга политического обозревателя «Нью-Йорк тайме» Бартон Гелльмана «Удильщик. Теневое президентство Дика Чейни». В ней рассказывалось, как вице-президент США Ричард Чейни после терактов 11 сентября 2001 года тайно инициировал секретную операцию по электронной слежке за американскими гражданами «Звездный ветер», о которой в 2005 году было рассказано в сенсационной публикации в «Нью-Йорк тайме».

Макаскилл вытащил из кармана смартфон и попросил у Сноудена разрешения записать их предстоящую беседу и сделать несколько фотографий. Сноуден замахал руками и сказал, что АНБ в любой момент могло превратить смартфон в шпионское устройство, способное записывать разговоры абонента и определять его местоположение. Макаскилл вышел из номера и оставил свой смартфон в коридоре

отеля.

Сноуден старался максимально соблюдать все меры предосторожности. Он обложил входную дверь своего номера подушками, чтобы затруднить подслушивание снаружи. Когда Сноуден набирал на клавиатуре ноутбука пароль, то накрывался вместе с ноутбуком покрывалом, дабы никто не мог за ним подсматривать.

В оправдание уместности этих мер Сноуден поделился с гостями своими опасениями: «Меня может схватить ЦРУ. За мной могут прийти его агенты или кто-то еще. ЦРУ работает в тесном контакте со многими странами. Оно может заплатить местным гангстерам или любому из своих шпионов. У нас здесь есть резидентура ЦРУ в американском консульстве в Гонконге. Думаю, что ее сотрудники на следующей неделе буду очень заняты. Весь остаток моей жизни, каким бы он ни был, мне придется прожить в опасности».

Сноуден поведал собравшимся у него в номере журналистам об операции по захвату, в которой принимал участие один из его коллег в ЦРУ. Речь шла о поимке в 2003 году мусульманского священнослужителя Абу Омара, которого среди бела дня схватили в Милане, отвезли на местную американскую военную базу и там подвергли пыткам.

Сноуден чувствовал себя очень уязвимым, пока еще не передал журналистам похищенные в АНБ документы. Конечно, после первой публикации разоблачений его будут искать днем с огнем. Но зато обретенная им в результате извест-

ность послужит для него дополнительной защитой от преследования. До первой публикации не могли себя ощущать себя в безопасности и журналисты. Что с ними будет, если их поймают с секретными документами на руках?

Интервью со Сноуденом длилось около двух часов. Пойтрас снимала его на камеру, а Макаскилл задавал вопросы. Днем раньше Гринвальд бомбардировал Сноудена вопросами в стиле адвоката, который ищет уязвимые места в показаниях клиента. В отличие от Гринвальда Макаскилл был обстоятелен и по-журналистски объективен. Его интересовали простые вещи: паспорт Сноудена, последнее место работы и адрес постоянного проживания.

Сноуден рассказал, что жил на Гавайях, работал в компании «Буз Аллен Гамильтон» в качестве инфраструктурного аналитика и получал около 200 тысяч долларов в год. Сноуден предвидел, что ему придется скрупулезно доказывать, кто он есть на самом деле, и потому захватил с собой в Гонконг целую кипу документов, идентифицировавших его личность.

Макаскилл спросил Сноудена, зачем он приехал в Гонконг. Сноуден сказал, что в отличие от остальной территории Китая Гонконг пользовался репутацией места, где традиционно соблюдалось право людей свободно высказывать свое мнение. И Сноудену было горько и обидно, что такого места не нашлось у него на родине.

Потом Макаскилл поинтересовался, когда именно Сно-

уден окончательно и бесповоротно принял свое судьбоносное решение стать разоблачителем деятельности АНБ. Сноуден ответил: «Вы постепенно узнаете о вещах, которые вас беспокоят. Когда вам становится известно все, вы понимаете, что некоторые из этих вещей неправомерны. Ощущение неправомерности все больше нарастает. Такого не было, чтобы одним прекрасным утром я проснулся и решил для себя, что пришла пора действовать. Это естественный процесс».

Сноуден рассказал Макаскиллу, что не голосовал за Обаму в 2008 году. Сноуден собирался выступить с разоблачениями еще до избрания Обамы на пост президента, но решил подождать до следующих выборов. Однако Обама продолжил политику своего предшественника в области незаконной, по мнению Сноудена, электронной прослушки. Поэтому Сноуден и решил предать гласности имевшиеся у него документы АНБ.

С точки зрения Макаскилла, почти все, о чем рассказывал Сноуден, имело смысл. Правда, было в его биографии кое-что подозрительное. Сноуден признался, что не имел высшего образования, а только некоторое время посещал колледж. Как мог недоучка вроде Сноудена так быстро заполучить работу, требовавшую высокой квалификации? Да еще успеть поработать на ЦРУ и АНБ как напрямую, так и по контрактам! Возможно, свою роль сыграл тот факт, что Сноуден частично прошел основной курс спецназовской подготовки, который ему пришлось прервать из-за перелома обе-

их ног. Как бы там ни было, Макаскилл все же решил, что рассказ Сноудена вполне правдив, несмотря на некоторые сомнительные моменты.

После этого Макаскилл перешел к главному вопросу: «То, что вы собираетесь сделать, является преступлением. Вас могут посадить в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. Зачем вы это делаете? Дело действительно того стоит?».

Сноуден осознавал, что его ждет нелегкая судьба. Но он не жалел о своем выборе, поскольку не хотел жить в мире, где все, что он делал и говорил, записывалось. Далее Сноуден пояснил, что имел в виду: «АНБ выстроило инфраструктуру, которая позволяет перехватывать почти все. Обладая этой возможностью, оно перехватывает подавляющее большинство наших сообщений. АНБ похитило у нас Интернет и превратило его в средство для слежки за целыми народами».

Сноуден был не первым разоблачителем, которого встречал в своей жизни Макаскилл. Большинство из них являлись политиками. Одни делали это из тщеславия, другие – из мести, третьи – из зависти, считая, что их недооценивали, принижали или лишали заслуженного повышения по службе. Мотивы таких разоблачителей были низменными. Сноуден отличался от них коренным образом. По отзыву Макаскилла, от Сноудена так и веяло идеализмом, и он действовал исключительно из патриотических побуждений. По глубоко-му убеждению Сноудена, Интернет должен был оставаться свободным, а права его пользователей свято соблюдаться. На

одном из ноутбуков Сноудена красовалась наклейка с логотипом «Форума электронной свободы», американской общественной организации, выступавшей за прозрачность Интернета. На наклейке было написано: «Я за онлайн-права». На другой наклейке содержался призыв в поддержку системы «Тор», позволявшей устанавливать анонимные соединения в Интернете.

Некоторые критики впоследствии утверждали, что на разоблачения Сноудена подвигло исключительно желание привлечь к себе внимание широкой публики. У Макаскилла по итогам встречи со Сноуденом сложилось совершенно другое представление об этом человеке. По мнению Макаскилла, Сноуден намного комфортнее чувствовал себя за клавиатурой ноутбука, чем на виду у широкой публики: «Он вежлив и внимателен. Он инстинктивно дружелюбен. Он действительно застенчив. Многие предполагают, что он гнался за популярностью. Это не так». По наблюдению Макаскилла, счастливее всего Сноуден был, когда обсуждал технические детали электронной слежки: «У него есть настоящие аутичные черты характера. Ему хорошо с компьютерами. Это его мир».

Гринвальд и Макаскилл мало разбирались в том, как был устроен Интернет. Они никак не могли самостоятельно понять смысл секретной презентации, посвященной программе «Призма». И Сноуден терпеливо объяснял им значение сокращений, диаграмм и методов перехвата из презентации.

При этом в нем не было ни тени снисходительности, только терпеливость и стремление попонятнее все объяснить для непосвященных в суть дела.

Как англичанина, Макаскилла очень интересовала роль Англии в массовой электронной слежке, которую организовало АНБ. Многие англичане по сложившейся традиции представляли себе сотрудников Центра правительственной связи (ЦПС) – английского аналога АНБ – сугубыми учеными, которые носили твидовые пиджаки, курили трубки, играли в шахматы и до сих пор бились над взломом немецких шифров времен Второй мировой войны. Конечно, Макаскилл знал, что ЦПС тесно сотрудничал с АНБ. Но он все равно был неприятно поражен, когда Сноуден сказал: «ЦПС еще хуже АНБ. Он более назойлив».

5 июня 2013 года пришло известие о том, что сотрудники АНБ в сопровождении полицейских посетили дом на Гавайях, в котором Сноуден проживал с подругой до своего бегства в Гонконг. В положенное время Сноуден не появился на работе, и в АНБ проявили беспокойство по этому поводу. Сноуден очень боялся, что его подругу будут запугивать и что над ней будут издеваться.

Сноуден мало посвящал Гринвальда, Пойтрас и Макаскилла в свою личную жизнь. Все его внимание было сосредоточено на обстоятельном рассказе о противозаконности деятельности АНБ. Но тут он вдруг начал жаловаться: «Моя семья ничего не знает о том, что происходит. Больше всего я

боюсь, что они будут преследовать моих близких, моих друзей, мою подругу. Всех, кто связан со мной. Это не дает мне спокойно спать по ночам». Сноуден знал, что его мать, которая работала в банке в Балтиморе, с 20 мая 2013 года, когда он исчез в неизвестном направлении, безуспешно пыталась связаться с ним.

Судя по всему, ЦРУ до сих пор не сумело обнаружить убежище Сноудена. Это было странно. Ведь, как только было выявлено его немотивированное отсутствие на рабочем месте, можно было легко выяснить, что Сноуден вылетел в Гонконг. В гонконгском отеле он зарегистрировался под своим настоящим именем и расплачивался по собственной кредитной карте.

Может быть, в ЦРУ уже было про все это известно и там решили пока воздержаться от каких-то действий, чтобы лишний раз не ссориться с Китаем? Или, может, американские спецслужбы были не такими уж всемогущими, как принято о них думать? Может быть, виной всему стала обыкновенная бюрократическая волокита, а не напряженность в американо-китайских отношениях?

Тем временем поездка в Гонконг и встреча со Сноуденом сплотила Гринвальда, Пойтрас и Макаскилла. От антипатии Пойтрас по отношению к Макаскиллу не осталось и следа. Теперь они все были единой командой.

Вечером Гринвальд набросал статью про «Веризон» и другие крупные телекоммуникационные компании в

США, которые, согласно секретным документам, продемонстрированным Сноуденом, тайно передавали в АНБ персональную информацию о своих абонентах и об их телефонных звонках. Статья Гринвальда должна была произвести эффект разорвавшейся бомбы. Позднее к работе над статьей присоединился и Макаскилл. Он и Гринвальд проработали всю ночь напролет. Под утро подготовленная ими статья была отправлена Гибсон в Нью-Йорк. Основным вопросом теперь состоял в том, решится ли напечатать эту статью «Гардиан».

Сенсация!

Тридцатитрехлетний американский журналист Спенсер Акерман последние десять лет своей жизни писал статьи, посвященные национальной безопасности США. И его уже давно интересовала информация об операциях АНБ по электронной прослушке внутри США. Но до сих пор были лишь косвенные доказательства их существования. Никаких прямых свидетельств. А само АНБ по понятным причинам предпочитало хранить по этому поводу гробовое молчание.

Знаменитая публикация «Нью-Йорк тайме» про операцию «Звездный ветер» была исключением, только подтверждавшим общее правило. Да и то в «Нью-Йорк тайме» целый год придерживали эту публикацию, пока не были вынуждены дать ей ход, когда один из репортеров заявил, что планирует написать об этом книгу.

В 2011 году Акерману позвонил демократ из штата Орегон, известный критик электронной прослушки АНБ Рональд Вайман. В уклончивых выражениях он выразил свою крайнюю озабоченность в отношении «Закона о патриотизме», действие которого конгресс США собирался продлить в ближайшее время. Вайман заявил Акерману, что правительство выступило со своеобразной интерпретацией этого закона, сильно отличавшейся от того, что в нем на самом деле было прописано. А чтобы никто не мог оспорить правитель-

ственную интерпретацию «Закона о патриотизме», она была засекречена. Вайман намекнул Акерману, что с помощью казуистики правительство США пыталось скрыть от широкой общественности истинный размах своих операций по сбору разведывательной информации.

В 2012 году в очередной раз прозвучало публичное категорическое заявление о том, что АНБ не следило за американскими гражданами. Его сделал директор АНБ Кейт Александер на ежегодной хакерской конференции в Лас-Вегасе. Выйдя на трибуну, он заверил участников, что руководимое им агентство не хранит у себя «файлы» или «досье» на «миллионы или сотни миллионов американцев».

Может быть, под «файлами» и «досье» шеф АНБ подразумевал нечто совсем иное, чем сбор метаданных? Ведь пользуясь словесной эквилибристикой, а также ссылками на секретность и поддержкой со стороны судебной комиссии по надзору за внешней разведкой, правительство США могло очень долго игнорировать любые законные запросы о предоставлении информации об электронной прослушке.

В конце апреля 2013 года Акерман принял предложение американского издания «Гардиан» стать обозревателем по вопросам национальной безопасности США. Это издание было исключительно электронным. При годовом бюджете в 5 миллионов долларов оно сильно уступало по значимости и влиянию таким медийным гигантам как «Нью-Йорк тайме», «Вашингтон пост» и «Уолл-стрит джорнал». В этом был и

свой плюс, поскольку в случае какой-либо крупной неудачи терять «Гардиан» было в общем-то нечего.

Когда 3 мая 2013 года Акерман пришел в редакционный офис «Гардиан» в Нью-Йорке, он сразу же почувствовал запах сенсации. Гибсон сидела за закрытой дверью в своем кабинете с заместителем Стюартом Милларом и что-то с ним оживленно обсуждала. Вскоре Гибсон пригласила Акермана присоединиться к этому обсуждению.

У себя в кабинете Гибсон сказала Акерману: «У нас есть хорошая история, к которой мы хотим тебя подключить». По словам Гибсон, в одной из зарубежных стран обнаружился ценный источник секретной информации, который в настоящее время активно сотрудничал с Гринвальдом и Макаскиллом. Дело касалось АНБ.

Акерман был потрясен. Семь лет он безуспешно пытался добыть неопровержимые доказательства противозаконной электронной слежки АНБ за американскими гражданами. И вот наконец эти доказательства сами плыли к нему в руки. Его подозрения о том, что президент США Обама продолжил интенсивную слежку, начатую во времена своего предшественника Буша, и даже расширил ее границы, полностью подтверждались.

Гибсон рассказала Акерману про секретную презентацию, посвященную программе «Призма», а также про тайный ордер судебной комиссии по надзору за внешней разведкой, в соответствии с которым американская телеком-

муникационная компания «Веризон» должна была передавать АНБ сведения о телефонных звонках своих клиентов в США. И это было не какое-то разовое мероприятие. Все происходило регулярно, изо дня в день. Объектом слежки АНБ служили все американские граждане без разбору, вне зависимости от того, были они замешаны в каких-то противоправных деяниях или нет. В подтверждение своих слов Гибсон показала Акерману ордер, выданный судебной комиссией по надзору за внешней разведкой, который предоставлял АНБ право в течение 90 дней осуществлять сбор метаданных о телефонных звонках. Срок действия ордера заканчивался 19 июля 2013 года.

Гибсон предложила следующий план действий. Во-первых, получить черновики статей из Гонконга от Гринвальда и Макаскилла. Во-вторых, проконсультироваться с адвокатами по вопросу легальности публикации этих статей. В-третьих, обратиться за разъяснениями в администрацию президента США.

Первой предполагалось напечатать статью про «Веризон». Документы по этой теме, полученные от Сноудена, были самыми понятными. Далее на очереди был рассказ о программе АНБ «Призма». Потом шли разоблачения относительно активного участия США в кибервойнах. И наконец, если до этого дойдет дело, оставалась публикация про еще одну программу АНБ под кодовым наименованием «Безграничный информатор».

Гибсон отправила Акермана в Вашингтон, где по ее команде он должен был вступить в контакт сначала с «Веризон», а потом с администрацией президента США. А сама глубоко задумалась. Ее терзали сомнения. Ведь она не держала в руках ни одного секретного документа АНБ или ордера судебной комиссии по надзору за внешней разведкой. Может быть, с подачи Сноудена в распоряжении «Гардиан» оказались искусно изготовленные фальшивки?

Для начала Гибсон и Миллар встретились с самыми известными медийными адвокатами в США Дэвидом Корже-ником и Дэвидом Шульцем, чтобы проконсультироваться, как следовало вести себя дальше. Было решено, что, скорее всего, журналистам «Гардиан» будет выписана повестка, которая обяжет их предстать в США перед расширенной коллегией присяжных, чтобы принудить раскрыть источник своей информации. Кроме того, в США действовал «Закон о шпионаже», согласно которому передача разведывательных сведений иностранному правительству являлась уголовным преступлением. Правда, оставалось совершенно неясно, насколько этот закон был применим к журналистам, публиковавшим статьи по проблемам национальной безопасности США.

Некоторые факты внушали Гибсон умеренный оптимизм. За почти сто лет, прошедшие с момента принятия «Закона о шпионаже», по нему не было осуждено ни одно средство массовой информации. Представлялось маловероят-

ным, чтобы администрация Обамы пожелала стать в этом отношении первопроходцем. Да и политический контекст благоприятствовал «Гардиан». Последние громкие скандалы, связанные с правительственным преследованием неугодных журналистов, привели к тому, что генеральный прокурор США Эрик Холдер клятвенно пообещал американскому конгрессу не преследовать журналистов за их профессиональную деятельность.

Тем не менее в «Гардиан» совсем не желали своими действиями навлечь на себя гнев американских властей. Было решено продемонстрировать, что речь шла о ситуации с электронной прослушкой в США в целом, а не о ее деталях, рассказ о которых в средствах массовой информации наверняка повредил бы национальной безопасности США.

Гибсон решила уведомить АНБ о готовившейся публикации за четыре часа до ее выхода в свет. В обычной ситуации, может, этого было бы достаточно. Но учитывая сенсационность материала, времени на подготовку правительственного комментария отводилось, прямо скажем, совсем немного.

Акерман позвонил Кейтлин Хейден, пресс-секретарю национального совета безопасности, отвечавшего в правительстве США за координацию американской политики в области национальной безопасности. Председательствовал в этом совете сам президент. Акерман сказал Хейден, что в распоряжении «Гардиан» оказался секретный ордер судебной комиссии по надзору за внешней разведкой, и что при-

нятие решения о его публикации отложено до 15–15 по вашингтонскому времени. Хейден ответила, что свяжется с кем положено и передаст сказанное Акерманом.

Вскоре Хейден перезвонила Акерману и предложила провести онлайн-конференцию. В ней с правительственной стороны приняли участие заместитель директора Федерального бюро расследований (ФБР) Шон Джойс, заместитель директора АНБ Кристофер Инглис и советник директора разведки США Роберт Литт. От имени «Гардиан» выступали Гибсон, Миллар и Акерман.

Официальная претензия к «Гардиан», высказанная в ходе онлайн-конференции, состояла в том, что публикация будет предвзятой и неточной, поскольку журналисты «Гардиан» не представляли себе ситуацию в целом. Поэтому Гибсон и Миллару следовало приехать в Белый дом, где их ввели бы в курс дела. Этот трюк сработал в 2004 году с редакцией «Нью-Йорк тайме», которая в результате отложила свою публикацию материалов про «Звездный ветер» на целый год, а потом напечатала отнюдь не все, что имелось в ее распоряжении.

Гибсон возразила, что публикация секретного судебного ордера представляла исключительный общественный интерес, а сам ордер был составлен в таких общих выражениях, что предание его гласности никоим образом не нанесло бы ущерб национальной безопасности США.

Через двадцать минут обсуждение зашло в тупик. Инглис и Литт отказались сформулировать свои претензии бо-

лее детально, поскольку, по их мнению, открытое обсуждение отношений АНБ с «Веризон» можно было приравнять к разглашению государственной тайны. В конечном итоге Инглис потерял терпение и начал кричать: «В этой публикации нет никакого толку! Никакое серьезное издание не будет это публиковать!». На что Гибсон отреагировала довольно спокойной репликой: «При всем моем уважении, решение, что именно публиковать, принимаем только мы». Тогда правительственные чиновники пригрозили Гибсон, что обратятся к ее руководству в Лондоне. Гибсон ответила, что в настоящее время главный редактор «Гардиан» Алан Русбриджер отсутствует, и окончательное решение принимает она. На этом онлайн-конференция завершилась.

Через короткое время Нику Хопкинсу, редактору отдела расследований «Гардиан» в Лондоне, позвонил сотрудник английской контрразведки «МИ-5», а заместителю главного редактора «Гардиан» Полю Джонсону — Джойс. Оба пожаловались на упрямство Гибсон и попросили с ней поговорить, чтобы она смягчила свою позицию.

Обстановка накалялась. Акерман переживал, что по окончании онлайн-конференции с его участием трое исключительно влиятельных американских чиновников остались очень недовольны ее исходом. Он опасался, что за ним могли прийти фэбээровцы в масках с автоматами, забрать его и допрашивать с пристрастием в тюремной камере. Занервничали в Гонконге и Гринвальд со Сноуденом. Они сомне-

вались, что у «Гардиан» хватит храбрости предать гласности историю про «Веризон». Гринвальд уже был морально готов сам опубликовать свой материал или искать для него другого издателя, если откажется «Гардиан».

Сразу после 19–00 статья Гринвальда все-таки появилась в американском издании «Гардиан». Она начиналась следующими словами: «В соответствии с совершенно секретным судебным ордером, выданным в апреле, АНБ в настоящее время получает миллионы записей о телефонных звонках американских граждан, являющихся абонентами «Веризон», одной из крупнейших американских телекоммуникационных компаний».

В американском правительстве до самого последнего момента не верили, что «Гардиан» решится на публикацию. Через несколько минут после того, как была опубликована статья Гринвальда, Хейден прислала электронное письмо Акерману: «Ну что, парни, вы уже приняли решение?».

Скорость, с которой действовали журналисты «Гардиан», очень удивила официальных лиц в Вашингтоне. В АНБ немедленно приступили к поиску источника утечки секретной информации. Но там еще были не в курсе, что разглашению подвергся не один документ, а десятки тысяч.

С этого момента в «Гардиан» узнали, что значило находиться под колпаком американских спецслужб. Перед входами в редакционные офисы «Гардиан» в Нью-Йорке и Вашингтоне, а также перед домом, где проживала Гибсон,

неожиданно начались совершенно бессмысленные ремонтные работы при большом стечении рабочих и техники. Таксисты, которые подвозили сотрудников «Гардиан», забывали брать с них плату за услуги и путались в маршрутах проезда до пункта назначения. Мойщики стекол ежедневно по несколько раз в день протирали окна служебного кабинета Гибсон. Ее ноутбуки стали один за другим сбоить, потому что на них отказывалась нормально работать программа, которую Гибсон использовала для общения с Гринвальдом.

Тем временем в «Гардиан» началась работа над статьей о программе «Призма». Предстояло, в частности, решить, сколько слайдов из презентации АНБ про «Призму» стоило включить в статью. В некоторых из них содержалась секретная информация о разведывательных операциях США за рубежом. Ущерб от ее разглашения вряд ли пошел бы на пользу общественным интересам. Справедливости ради следовало бы узнать точку зрения крупных американских компаний, которые упоминались в статье. Невыясненной оставалась и позиция американского правительства. Ведь «Призма» была еще более секретной, чем сотрудничество «Веризон» с АНБ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.